

Социальная нормативность: общественный принцип соотношения морали и права

Кацапова И.А.,

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института философии РАН
E-mail: katsapova@gmail.com

***Аннотация.** В рамках статьи анализируется актуальная проблема выявления нормативной структурированности системы общественных отношений. Автор статьи рассматривает социальную нормативность через призму взаимоотношения права и морали в общественном пространстве. Обосновывает различие между социальной и юридической нормативностью и конкретизирует типы социальных отношений, а также раскрывает смысл и принцип институциональной межличностной коммуникации.*

***Ключевые слова:** человек, общество, социальная нормативность, юридическая нормативность, право, мораль, моральный закон, юридический закон, отношения, институциональность.*

Особо актуальной сегодня становится проблема выявления нормативной структурированности системы общественных отношений. Нельзя сказать, что тема эта не интересовала исследователей до сих пор, просто в настоящее время, совершенно определенно, меняются подходы и смыслы в осознании роли социальной нормативности. Вполне привычными сегодня стали дискуссии по поводу того, что меняется «картина мира», создается «новый порядок» жизни, вообще формируется осознание того, что в действительности мы окунулись в проблему глобального кризиса, связанного с переоценкой универсальных ценностей и стандартов жизни. Но это верно только на первый взгляд. Да, парадоксы современности поставили человека в условия выбора между должным и сущим, между тем, «что есть», и тем, «что должно быть», практически между философским осознанием того, что же на самом деле для человека есть «добро», а что есть «зло». Правда, если ориентироваться на всю историю развития человеческой цивилизации, то следует заметить, что проблема выбора и поиска смысла жизни всегда сопутствовали человеку.

В принципе, любая попытка осмыслить наиболее общие проблемы развития и функционирования общества или общественных отношений показывает, что характер социальных отношений современного человека весьма многомерен. Столь «многомерный» характер социальных отношений предполагает условия, при которых социальное поведение человека определяется многими факторами, как общественного, так и личностного характера. Например, через поступки человека вполне можно оценить образ его жизни, потому что социальный статус человека отражается как во внешнем его поведении, в первую очередь в его облике, так и во внешнем

проявлении его так называемой социальной позиции, в тех установках, мотивациях, ценностных ориентациях, на которые собственно и сориентировано сознание человека в качестве образа его действий и жизни.

Вполне понятно также и то, что в условиях общежития современный человек не может не реагировать на социальный запрос, связанный с ценностно-нормативными установками на социально заданные условия совместного проживания. Тем более что массовый характер современных отношений принуждает человека к непрерывному общению, а это, в свою очередь, подразумевает постоянный контакт его с другими, при котором человек не может принадлежать только себе, своим интересам, а вынужден строить свои планы в соответствии с нормами общежития. В таком случае любые рассуждения о социальном статусе современного человека прежде всего должны ориентироваться на культуру его общественного поведения, которое, в свою очередь, во многом зависит от уровня социального развития самого человека, то есть его культуры.

Разумеется, культура современного человека радикально отлична, скажем, от архаических ее форм, и тем более от архаичного отличается современное представление о моральности поступка. Например, если древние мыслили о том, как помочь человеку в жизни, сосредоточив внимание на самом главном: понять как коротка и как суетна жизнь, и сколь важно в этой жизни сделать главное, доброе, истинное, то современное представление о ценности жизни заставляет человека выбирать не только между добром и злом, но и между «быть» или «иметь». В современном пространстве традиционные формы морали, типичные для представителей родоплеменного и традиционалистского сознания, утрачивают смысл моральных идеалов.

Потому что современное оправдание моральности поступка часто подводит к вседозволенности, когда можно быть уверенным в том, что именно «твоя моральная максима» в силу тех или иных обстоятельств, оправдывающих ее существование, является *приоритетной*. Для представителя родоплеменного сознания установленный в общности порядок мыслится как единственно нравственный и возможный, а существующий обычай полностью отождествляется с тем, как *должно быть*, потому что только так и может быть. В то время как перед современным человеком, сориентированным на цивилизованные формы общности, встают иные задачи и проблемы. Перед ним появляется *множественность* социальных и нравственных норм и принципов, которые уже не только не тождественны, но во многом даже противоречат друг другу. Вследствие чего перед индивидом встает вопрос не просто о том, соблюдать или не соблюдать ту или иную норму, нарушение которой может поставить его вне общности, а о том, какая норма правильна и почему. И если человек с родоплеменным сознанием, сталкиваясь с «чужеродными» обычаями, просто считает их «неистинными», неприемлемыми или даже несуществующими, то современного человека проблема нравственного выбора часто заставляет определиться не только с тем, что есть добро, а что есть зло, но и с тем, какой стиль жизни предпочтительнее, и что вообще означает жить правильно, или даже, что такое вообще — правильная жизнь. Независимо от того, в каких терминах он это формулирует, в своем выборе современный человек в большей мере все-таки основывается на нормах, сформулированных групповым или корпоративным сознанием, на так называемых нормах общественного поведения, *локально* принятых как формообразующие. Зачастую такие нормы поведения не только не согласуются с общественными, но часто вытесняют и общечеловеческие максимы, «заповеди».

В таком случае понятно, что современную систему общественных отношений и учреждений нельзя рассматривать только с точки зрения их моральной составляющей, необходимо ориентироваться и на нормативные *принципы* определения как социального статуса самого человека, так и определения нормативно-социальной обусловленности его поведения в обществе. Сегодня социально-структурированные межличностные отношения не могут быть выстроены лишь на одной морали, так как с практической точки зрения это недопустимо в силу того, что современное общество не существует вне правового поля. И не только потому, что развитие цивилизации повсеместно сопровождалось постепенным развитием системы правовых норм и одновременным созданием механизма для их регулярного и эффективного применения. Связано это, прежде всего, с тем, что представление о правовом порядке должно вклю-

чать в себя представление и о порядке социальных отношений, о той совокупности основных и элементарных требований, без которых само существование в обществе невозможно.

В социальном пространстве возлагаемые на человека общественные обязанности должны рассматриваться не только как обязанности по отношению к конкретным индивидам, но и как обязанности по отношению к другим людям вообще. Так, американский правовед Л. Фуллер *обязанности по отношению к другим людям вообще* называет «основополагающей моралью социальной жизни» и считает, что они по своей природе являются негативными в том смысле, что «требуют лишь отказа от совершения каких-либо деяний», например: «не убий», «не навреди», «не обманывай» и т.п. К тому же правовед считает, что обязанности такого рода легко поддаются формализации¹. В таком случае получается, для того чтобы решить социальные конфликты, можно всего лишь установить критерии моральных или правовых обязанностей, точно предписывающих тот вид поведения, которого следует избегать. Однако, как утверждает Фуллер, для соблюдения этих требований не достаточно просто предостеречь человека «от вредных деяний»². Необходимо выработать комплекс правил, с целью «избавить человека от слепой игры случая и благополучно направить его по пути целенаправленной и творческой деятельности»³.

Конечно, социальные обязанности индивида имеют разные формы, соответственно, и различную степень социальной ответственности. Нельзя, например, моральную ответственность уравнивать с юридической ответственностью. Одно дело, нарушение моральных запретов, другое — нарушение общественного порядка. Нормативные установки морали ориентируют человека на то, как ему «следует» или «не следует» поступать. Или на то, что у него есть обязанность или долг делать что-то в соответствии с моральными требованиями. Разумеется, утверждения эти разного типа, и суждение о долге является более сильным, чем просто суждение о том, что кому-то «следует» или «не следует» что-то сделать. В то же время социальные установки такого рода не равноценны утверждению, например, о том, что у кого-то вообще нет даже права на то, чтобы конкретно что-то делать. На форму социальной ответственности обратила внимание Ханна Арендт, подчеркивая, в частности, что среди многих вещей, которые всегда считались «непреходящими и жизненно важными», следует «обратить внимание на вопросы морали: на вопросы, касающиеся индивидуального поведения и образа действий, ряда правил,

¹ См.: Фуллер Л.Л. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 57.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 19.

норм и эталонов, с помощью которых люди отличали правильное от неправильного. Эти правила, нормы и эталоны считались частью божественного, либо естественного, закона, а потому предполагалось, что для любого человека, находящегося в здравом уме, их значимость самоочевидна»⁴.

Юрист и теоретик права Рональд Дворкин вопрос о том, «когда уместны требования относительно обязанности и долга, отличные от общих требований в отношении поведения»⁵, считал, например, *важным вопросом философии морали*. И суть разницы между моралью и правом в нормативном регулировании он очень точно конкретизировал в полемике с теоретиком права Гербертом Хартом, подчеркивая, что право, в отличие от морали, «не просто устанавливает, что следует или не следует делать отдельным гражданам. Оно говорит о том, что они обязаны или не имеют права делать»⁶. Одновременно Дворкин акцентирует внимание на том, что не все *нормативные правила* можно «объяснить как обращение к социальной норме» или к требованию что-то сделать по той простой причине, что *соответствующей социальной нормы* вообще может и не существовать⁷.

Относительно нормативной теории Дворкина следует уточнить, что, несмотря на попытку исследовать этические принципы права, сама теория тем не менее рассматривает только юридическую нормативность. В свою *нормативную* теорию он вводит проблемы, связанные с теорией законодательства, теорией судебного разбирательства и теорией соблюдения закона. Главной проблемой общей теории права юрист считает то, что она в большей мере является концептуальной, тогда как, согласно его мнению, она должна быть одновременно и *концептуальной*, и *нормативной*. В принципе, такое утверждение очень важно и не столько для общей теории права, которую собственно имеет в виду теоретик права, сколько для философии права. В концепции Дворкина нормативная часть общей теории права встраивается «в более общую философию политики и морали, которая, в свою очередь, зависит от философских представлений о человеческой природе и объективности морали»⁸.

К тому же Дворкина интересует в большей мере *политико-этический* горизонт, на фоне которого, как считал, например, французский философ Поль Рикёр, «вырисовываются принципы не сводимые к правилам»⁹. В частности, устанавливая, *какими правами реально обладают люди*,

Дворкин указывает, например, на то, что без политической теории, в контексте которой эти права рассматриваются, практически невозможно конкретизировать, о каких правах идет речь. Следует заметить, что Дворкин принципиально различает *права и цели*, ориентируясь на то, что формальное различие этих понятий позволит ясно показать, что «характер политического ориентира — является ли он правом или целью — зависит от места и функции в рамках отдельной политической теории»¹⁰. Собственно, то, на что указывает правовед, является ориентиром для законодательной политики любого государства.

В любом случае в государстве или в обществе правовой порядок — это не только порядок, включающий в себя юридическое поле отношений между субъектами права и их ответственности, но и социальное поле коммуникации и отношений между людьми. Вполне очевидно, установленные государством законы действуют не в вакууме, а существуют непосредственно и в тесной связи с моральными кодексами, более или менее сложными, прописанными детально или в общих чертах. Взаимоотношения между правом и моралью несомненны и являются одним из важнейших факторов жизни современного общества и тем более человека. Соответственно, правовой порядок должен включать в свое содержание определения как *права*, так и *морали*, потому что современная система общественной жизни вообще ни без морали, ни без права существовать не может. Стремление такое, по меньшей мере, противоестественно, а в целом ведет как к уничтожению и дискредитированию самой морали, так и притуплению правового сознания.

Не секрет, что современный человек даже в общественном пространстве продолжает ориентироваться в большей мере на то, что моральное поведение для него самого является наиболее важным для его самооценки, наиболее правильным и достойным. Понятно также и то, что человек способен рационально обосновать «собственную» мораль, ориентируясь на так называемый категорический императив И. Канта. Производя автономно нравственную оценку, человек, конечно, не ориентируется на причинно-следственные связи этих событий или явлений. Мораль, как считал, например, отечественный правовед и социальный философ П.И. Новгородцев, имеет собственную закономерность: «тот, кто производит нравственную оценку явлений, не входит в объяснение их причин: зло остается злом, каковы бы ни были его причины»¹¹.

В сущности, понятия морали реализуются только через индивидуальные переживания, ко-

⁴ Арендт Х. Некоторые вопросы моральной философии // Арендт Х. Ответственность и суждение. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013.

⁵ Дворкин Р. О правах всерьез. М., РОССПЭН, 2004. С. 79.

⁶ Там же.

⁷ См.: Там же. С. 84.

⁸ См.: Там же.

⁹ Рикёр П. Справедливое. М., Гнозис:Логос, 2005. С. 134.

¹⁰ Дворкин Р. Указ. соч. С. 135.

¹¹ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб.: Алетейя, 2000. С. 150.

торые естественно меняются с течением времени, реагируя на изменения в общественной жизни. Необходимо при этом учитывать и то, что в отечественной культуре исторически сложилось так, что нормативные отношения, выстроенные на моральных принципах: добра, совести, долга, более очевидны и понятны, и совершенно конкретно одобрены общественным мнением. В то время как правовая нормативность, сила ее формального воздействия не столь радушно принимаема в общественном пространстве, и можно даже сказать практически игнорируется. Одной из причин такого соотношения является, конечно, уровень развития правовой культуры как общества, так и конкретного человека, потому что регулировать правовую нормативность может только человек с развитым правосознанием. Парадокс социальной нормативности в данном случае состоит в том, что моральное сознание в меньшей мере, чем правосознание, способно содействовать преобразованию права, а соответственно, общественного правопорядка и даже правовой структуры общества. Моральное сознание в силу того, что основные средства морального воздействия на общество сосредоточены на воспитании и обучении человека через положительные примеры, сориентированные на усовершенствование его личности, в принципе, не способно сколько-нибудь существенно изменить социокультурные условия общежития. Даже несмотря на то, что действительность морального влияния зависит непосредственно от социокультурных условий общества. Правосознание же способно непосредственно влиять не только на правопонимание, но и на изменение самого права. Об этом неоднократно писали такие известные отечественные правоведы и мыслители конца XIX — начала XX в., как В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Л.П. Петражицкий, И.А. Ильин, Б.А. Кистяковский.

Одной из важных заслуг отечественной философско-правовой мысли является то, что усилиями В.С. Соловьева, П.И. Новгородцева была создана новая отрасль моральной философии — социальная этика. Новгородцев, восприняв идеи В.С. Соловьева об общественном статусе морали, по сути, создал концепцию социальной (общественной) этики. Мыслитель ориентировался не просто на понятие морали, а на понятие *нравственный закон*, то есть категорический императив, сформулированный И. Кантом: поступай только согласно такой максиме (правилу), руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим моральным законом. Новгородцев, в частности, писал: «понятие абсолютной ценности нравственного должностования имеет совершенно иной смысл. Это — абсолютизм не факта, а идеи, не проявления, а сущности, не конкретного содержания, а

отвлеченной формы»¹². Абсолютизм нравственного закона, утверждаемый моральной философией, относится прежде всего к его форме и основе, а не к содержанию. Согласно Новгородцеву, когда нравственная норма определяется как *закон всеобщего должностования*, а priori предполагается ее общественный статус. Основная формула морали, категорический императив, обращаясь к отдельной личности, задает ей такие требования, которые исходят «из представления о высшем объективном порядке»¹³, социальном порядке. В таком случае правило-рекомендация, как надо поступать, направлено на тех, для кого это правило должно иметь значение, а значит, оно имеет общественный характер. По сути, категорический императив как требование является объективно заданным ориентиром. Максима моего действия может служить ориентиром для действий или поступков другим.

На самом деле моральная философия не формулирует нравственный закон, она определяет только общие цели и основные принципы, указывая нравственной воле лишь общее направление, оставляя за субъектом право на свободу выбора как цели, так и средств. Сущность нравственной воли самостоятельно (автономно) может проявляться как в возвышенности ее идеалов, так и в их практической реализации, в деятельности. Проблема же морального действия или оценки заключается как раз в том, что человек редко учитывает социальный статус морали, который задействован не столько на принцип «самосовершенствования», сколько на принцип *социальной адаптивности*. Человеку необходимо усвоить, что в социальной сфере моральные оценки и поступки человека должны носить общественный характер, соответственно, они должны ориентироваться уже не только на самооценки, но и на оценки социальной деятельности или роли как самого человека, так и характера его отношений с другими. В социальной реальности действуют уже *социально-значимые* моральные запреты, которые, как считал, например, Бертран Рассел, являются определенной разновидностью морали, сформулированной в форме набора правил относительно вещей, которые мы должны или не должны делать. Правила эти рассматриваются как абсолютные, поэтому они никак не должны быть обоснованы. То, что запрещается этими правилами — есть табу, и означает это то, что человек принципиально делать не должен. Надо заметить, что большая часть моральных запретов сопоставима с так называемой рациональной моралью — когда люди прекрасно знают, что нельзя, например, убивать, красть... Вполне до-

¹² Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М.: Моск. психол. о-во, 1903. С. 286.

¹³ Там же. С. 283.

пустимо и то, что человек осведомлен о том, что сформулированные моральные табу такого рода имеют определенные последствия. Конечно, предписания такого рода согласуются фактически с разумом человека, но следует заметить, что *заставить* или *принудить* человека выбирать между «добром и злом», или принудить морально совершенствоваться в принципе невозможно. Все эти условия реализуются только на уровне *добровольного* волеизъявления самого человека, на уровне его *свободного* выбора. Именно поэтому, принимая общественный порядок «в готовом виде», человек часто сталкивается с конфликтом. Силу конфликта можно снизить, но только за счет *осознания* человеком своих прав и обязанностей перед другими, такими же социально равноправными, как он сам.

Все это убедительно, однако, социальные проблемы, с которыми сталкивается человек, касаются не только смысла моральных принципов, но также и смысла общественной коммуникации, определяющей содержание социальной нормативности. Система социальной нормативности представляет собой не только систему регулирования, но еще и систему социальной ориентации человека. Именно систему социальной ориентации каждый человек получает от рождения в готовом виде, в перспективе либо приспособляясь к ней, либо пытаясь изменить ее в чем-то. В любом случае социальная нормативность представляет для человека ту часть духовного мира, которую можно назвать «образом жизни общества». Социальные нормы оказывают непосредственное воздействие на сознание людей, формируя их поведение и, соответственно, их отношения. Но при этом нормы, независимо от того, являются ли они моральными, правовыми или религиозными, оцениваются по волевым действиям человека и (или) по их последствиям. Именно таким образом, из оценок в сфере социальной нормативности формируются предписания и принципы. Именно поэтому большинством принимаются в качестве позитивных, например, такие установки, как: «убийство человека — это зло»; «милосердие — это добро»; «воровать — это незаконно» и т.п. В таком случае получается, что социальные нормы — это прежде всего нормы взаимодействия или коммуникации людей в обществе, потому что общие правила позволяют человеку ориентироваться между «должным» и «недолжным» общественным поведением.

Система социальных норм каждого общества может быть различна, но каждое из обществ, безусловно, содержит унаследованные от предыдущих поколений оценки «добра и зла», выраженные в виде норм, институций. Вследствие чего *социальная нормативность* отражает *общественную культуру поведения людей*, но, следует отметить, не только через их интересы, но и через

идеи, идеалы и, как ни парадоксально, даже, через возникающие противоречия в обществе. В то время как через институциональность (учреждения, организации, объединения, союзы, устойчивые нравы) они органически вплетаются в общественные отношения, формируя таким образом их культуру. В этой связи важно подчеркнуть и то, что современные общественные отношения связывают людей не только по социальным группам и их корпоративным интересам, но еще и по *формальным* признакам. Понятно, что в социальном пространстве человек с необходимостью должен строить свои планы в соответствии с нормами общечеловеческого поведения, поэтому его социальная роль определяет его социальное поведение, которое должно быть сориентировано не только на его интересы, но и на определенные *права и обязанности*.

В социальном пространстве человек живет своей жизнью, но при этом он социализирован, поэтому, наряду с межличностными отношениями, выстроенными на принципах морали: дружбы, симпатии, взаимовыгоды, взаимовыручки, существует и такая форма единения людей, как «одиночество в толпе». Следует оговориться, что само по себе понятие «одиночество» имеет как социальный, так и экзистенциальный смысл. Разумеется, социальный тип одиночества существенно отличается от экзистенциального. Одиночество экзистенциальное является для человека той «социальной» нишей, где он может не только быть самим собой, но и, как считал французский философ Жан Поль Сартр, может, постигая себя, творить и создавать «себя сам»¹⁴. По сути, оно связано скорее с актом собственного выбора. К примеру, выбирая мораль и занимая определенную позицию, человек выбирает, конечно, самого себя, свои принципы, руководствуясь своими идеалами и смыслами. Соответственно, такой тип одиночества непосредственно связан с самостоятельностью человека, с самобытностью его «Я». Одиночество экзистенциальное не может быть исключено из жизни человека, потому что очерчивает совершенно иное пространство — это, прежде всего, пространство самого человека. Другое дело — социальный тип одиночества, который обусловлен социальными факторами — проблемой общественного несовершенства или равнодушия людей, или чего-то иного, подобного. Поэтому социальное одиночество можно рассматривать как форму общественной *изоляции* человека: потеря общественных связей, друзей... Но оно лишь опосредованно влияет на жизнь человека: друзей можно найти, социальную среду изменить.

На самом деле наиболее важной составляющей социальной нормативности является про-

¹⁴ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 339.

блема общественных связей и отношений. Главное, на что следует обратить внимание современному человеку, это то, что параллельно с другими в социальном пространстве существует форма единения, которую французский философ Поль Рикёр сформулировал как «жизнь с другим и для другого»¹⁵. Такого плана способ коммуникации в большинстве случаев носит *формальный* характер, смысл которого определяет порядок отношений между людьми не просто как порядок межличностных отношений, а как порядок *социальных* отношений в соответствии с установкой — «каждому свое право». Причем необходимо учитывать здесь то, что данный принцип размещается как в социальном, так и в юридическом поле, где рассматриваются права и обязанности человека. Принято считать, что такого рода отношения не приносят человеку полного удовлетворения от общения, но следует заметить, что в системе данных отношений другой не является для человека лишь противоположностью его «Я», его самости, в значительной степени человек находится в одной плоскости с жизнью другого и для других. Этим отношениям соответствуют *справедливые институциональные отношения*, которые представляют собой «структуру совместной жизни», смысл которой соответствует установлению: «каждому свое право». Такая модель отношений предполагает другого как каждого, «любого», с которым человек — «Я» строит отношения по формальному признаку социальных институтов. В данном случае другой является отдельной личностью, «не имеющей лица», но он каждый, требующий справедливости. Отношения такого рода очень важны для современного человека, стиль социализации которого существенно отличается, например, от социализации человека XIX и даже XX в.

В своих исследованиях Рикёр выделил, как он сам утверждал, *актуальную* тему — философское обоснование права и правосудия. Но наиболее важной его заслугой в рамках его теории «справедливости» является то, что он обозначил как «институциональные отношения». В концепции философа социальные отношения опосредованы институтами в том смысле, что характер институционального общения строится на основании зависимости от конкретных коммуникативных ситуаций и от *существования институциональных посредников*: так называемых общественных институтов, таких как законы, предписания, инструкции, руководства и т.п. Практически Рикёр дополнил, завершив тем самым намеченную отечественным правоведом Новгородцевым, концепцию *нормативности*.

Теме правовой нормативности, о которой, как уже упоминалось, заявил Дворкин, в отечественной философско-правовой мысли уделили особое внимание: П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, И.А. Ильин и др. Согласно Новгородцеву, например, областью положительного права, на что, собственно, ориентируется в своей теории Дворкин, применение нормативного принципа не должно ограничиваться. Поскольку формальный анализ права не касается его сущности, а рассматривается только как «порядок», регулирующий правоотношения отдельных лиц в обществе, защищая интересы личности от всякого рода антиправовых и антиобщественных действий. В данном контексте социальный статус права задействован лишь на выражении *индивидуального* интереса: автономии личности, личного интереса (принципа), «обеспечивающего только каждому свое» — как чье-то право. По мнению правоведа, социальная роль права гораздо шире, потому что право представляет собой еще «норму и принцип личности»¹⁶. В рассуждениях о социальной роли права нельзя забывать, что только «человеку свойственно видеть в праве установление, зависящее от личной воли и мысли»¹⁷. Правда, такая установка свойственна далеко не всем, а только человеку, способному воспринимать правовую реальность (то есть обладающему правосознанием). В учении Новгородцева нормативный принцип права проходит три стадии развития. По существу, Новгородцев предлагает расширить возможности познания социальной роли права и проводить не узкопрофессиональное (цеховое), а комплексное исследование, используя при этом сочетание философского, исторического и догматического методов.

Следует заметить, что, в отличие от юридической нормативности, философско-правовая нормативность дает возможность выразить правовую норму не только как модель общественных отношений и поведения людей, но также позволяет выяснить *императивно-атрибутивную* сущность *правоотношений*, которые, по существу, отражаются не только в моральном сознании индивида, но даже более — в его правосознании. Отношениям такого рода много внимания уделил отечественный философ и социолог Л.И. Петражицкий (в XIX — начале XX в.). Свою теорию права и государства он называл «психологией права», и, в сущности, все различия между правом и нравственностью рассматривал не с точки зрения рациональных суждений, а с точки зрения эмоциональных реакций, вызываемых исполнением или неисполнением как правовых, так и моральных требований. Основное различие между правом и

¹⁵ См.: Кацапова И.А. Межкультурный смысл этико-юридического принципа П. Рикёра «Я-сам как другой» // Поль Рикёр: Человек — общество — цивилизация. М.: Канон+, 2015. С. 338–363.

¹⁶ Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. С. 279.

¹⁷ Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. СПб.: Лань, 1999. С. 14.

нравственностью ученый сводил к различию между чисто императивным характером нравственных импульсов и соответствующего им императивно-атрибутивного характера права¹⁸. Иными словами, Петражицкий рассматривал правосознание через призму *мотивационной* способности индивида. Но это, надо заметить, есть область *бессознательного*, согласно которой деятельность (в данном случае поведение) человека освоена настолько, что выполняется практически механически, без творческого подхода к ней. В социальной психологии правосознание такого рода определяется как *практическое* сознание (Э. Гидденс), сориентированное на утилитарное восприятие, в данном случае понятия *право* — как *своего* права (или прав). Индивидуалистический принцип правосознания в таком случае представляет собой *не способность*, а сам процесс познания права как *просто* знания о нем. К тому же развитие правосознания как способности находится *вне* зоны целенаправленного воздействия (то есть воспитания). В принципе, воспитанию поддается рациональное действие, и даже постановка целей, *но не мотивирующая способность*, которая складывается объективно, вне контроля и под влиянием множества неучитываемых, неоднозначно действующих факторов. В таком случае речь может идти лишь об *отражении* права в сознании человека как *своей принадлежности ему*. Разумеется, если бы правосознание просто отражало реальность, тогда все понятия о праве и государстве были бы эмпирически обоснованными. Но проблема заключается как раз в том, что правосознание не просто что-то отражает, оно, прежде всего, живет по своим законам. Обнаружение того, откуда берутся так называемые *свои законы* и как они формируются, не позволяет само по себе понять, почему в правосознании так, а не иначе предстают те или иные основания.

В свою очередь, оппонент Петражицкого Новгородцев существенно дополнил психологическую концепцию существенными положениями о соотношении права и морали, отражающихся в правосознании индивида. Исходя из того, что право не является прямой противоположностью морали, а напротив, имеет нравственную составляющую, Новгородцев настаивал на том, что в общественном пространстве как у морали, так и у права практически единая задача, состоящая в осуществлении социального равноправия и благополучия (равновесия интересов — личного и общественного). Право может называться правом только тогда, когда система социально-правового принуждения соответствует природе, смыслу и целям социально организованного благополучия человека в обществе.

¹⁸ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб.: Тип. акц. о-ва «Слово», 1909. С. 153–154.

В социальной реальности индивид практически не фиксирует границ между правом и моралью, потому что, по сути, обе категории соотносятся по принципу *взаимодополнения*. Неочевидная, но социально необходимая связь между правом и моралью есть совершенно обоснованная *правомерная* реальность, в которой требования права и требования морали не просто иногда совпадают, главным и основным условием их взаимодействия является то, что сама *идея* права, то есть *сущность закона* (или сам закон), должна соответствовать требованиям морали. Естественно, это не должно и не сводится к тому, что право и мораль совпадают полностью (например, обязанность вежливости, благодарности — не может быть правовой, а только моральной и т.п.). Истина заключается в том, что каким бы ни было правило, оно может быть законом только в том случае, если требует *как минимум морально допустимого*, иначе: «несправедливый закон — это не закон вообще» (*lex injuste non est lex*. — бл. Августин). Соответственно, *моральность* может рассматриваться как необходимое условие для законности, в том смысле что соответствие некоторым требованиям морали является важным условием для *формулирования* закона.

Таким образом, разногласия, возникавшие в полемике между Петражицким и Новгородцевым по существу вопросов морали и права в общественной жизни, в большей мере касались различия их методов познания проблемы соотношения этих категорий — психологического, с одной стороны, и рационального, с другой¹⁹.

Отмечая «большую оригинальность» и практическое значение, развитой Петражицким теории права²⁰, Новгородцев считал, что право можно воспринимать не только как мотивацию, сориентированную на утилитарное восприятие самого понятия *право* — как *свое право* (или *права*), но рассматривал *право* — как *творчество*, как данность *сознания права*. В философском смысле правосознание в таком случае надо понимать как *сознание правового*, или правосознание. Тогда предметом правосознания становится реальность в целом — реальность правовой жизни, или правовая реальность. Например, Гегель в своей «Философии права» в поиске *закономерного* в позитивном праве пытался определить, что есть *именно правовое* в законе.

¹⁹ См. полемику: Новгородцев П.И. К вопросу о современных философских исканиях (Ответ Л.И. Петражицкому) // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. 1 (66). С. 121–145; Петражицкий Л.И. К вопросу о возрождении естественного права и нашей программы // Право. 1902. [№ 1–52]. С. 1793–1804; Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1; Новгородцев П.И. Право и нравственность // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб.: Кн. маг. О.Н. Поповой, 1899. С. 115–136.

²⁰ См.: Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. С. 235.

Итак, если правосознание (практическое сознание) связано с мотивами, то императивно-атрибутивный принцип правосознания рефлексивен (Я и другой — в идеальной сфере) и реально (Я и другой порождают знание, чувствование права только в контексте друг с другом). Рефлексирующее правосознание связано с целями и причинами и сориентировано на что-то идеальное и общее. В данном случае рефлексивность правосознания обнаруживается в акте индивидуального творчества, которое, в свою очередь, предполагает наличие культурного компонента, задействованного на раскрытие проблем сопоставления и понимания. К тому же рефлексирующее правосознание выделено из ситуации, являясь, по сути, ее формой. В то время как правосознание (практическое сознание) слито с побуждениями, с мотивационным фоном, по сути, отражая его.

В общем плане главная мысль Новгородцева, которая, собственно, и выделяет его концепцию, сводилась к тому, что в социальной реальности право в принципе «не может быть выделено и отнесено только к одной стороне культурной жизни человека: будь то государственная организация, или общественные отношения, или даже «психические переживания». Право, являясь социальной нормой, внешне ограничивающей действия индивида в общественной жизни, одновременно содержит в себе не только требование подчинения некоторому высшему принципу, но и наличие обязательств, принимаемых индивидом. В социальном пространстве на человека возложены обязанности, которые рассматриваются как обязанности по отношению к другим людям вообще и обязанности по отношению к конкретным индивидам. Такого рода обязанности «поддаются формализованному определению без особых трудностей»²¹. Право же как социальное явление не только регулирует правоотношения, но и через правосознание может выступать в качестве этического принципа — *нравственно-регулирующего* общественные отношения. В таком случае вполне правомерно «видеть в праве не только продукт воли, но также и явление нравственного мира»²², в таком случае также правомерно будет допускать нравственную оценку юридического права (закона).

Продолжая отечественную философско-правовую традицию, ученик Новгородцева, философ и правовед И.А. Ильин предложил свою концепцию правосознания, назвав уровни его развития *аксиомами правосознания*. Ильин, в частности, ориентировался на такое понятие, как «живое правосознание», без которого, как считал мыслитель, вообще невозможно построить ника-

ких социально-структурированных отношений. Правовед подчеркивал также, что культура права, или правосознания, прежде всего зависит от «работы над расширением и уточнением своего внутреннего духовного опыта»²³, поэтому и соотносил развитие правосознания с внутренним духовным развитием личности. Согласно Ильину, основополагающим в знании о праве является то, что «сознавать право — не то же самое, что иметь клубок субъективных эмоций», поэтому человек, знающий законы, и человек, осознанно следующий правилам общежития, не одно и то же. Обоснование права как *объективно значащего* установления «постигается не аффектом, и не эмоцией, и не воображением, а мыслью». Для того чтобы «иметь зрелое правосознание, необходимо выносить в душе особый опыт»²⁴, который неминуемо порождает убеждение в действительной, объективно сложившейся природе права. Именно поэтому, считал Ильин, необходимо, чтобы *каждый* «усмотрел с силой очевидности объективное значение права»²⁵. И только в таком случае человеку будет понятно, что за внешней формой правовых норм стоит не формальная, а совершенно конкретная человеческая воля, убеждение самого человека, культура его поведения.

Понятно, что в мире человеческих отношений реальность права предполагает прежде всего правовое понимание и правовой подход к основным социальным отношениям. Поэтому характеристикой современного человека является не только уровень его *самопознания* или нравственного совершенствования, но одновременно и уровень его *правосознания* как необходимой установки, способствующей не только восприятию современным человеком юридической теории, но, более того, помогающей ориентироваться в юридической практике. Тем более что сегодня любой человек, даже знакомый в общих чертах с понятием «правовая система», вряд ли между тем сможет четко ответить на вопрос: что есть право? В обыденном же сознании вообще часто происходит отождествление таких понятий, как «право» и «закон», что, естественно, ведет к определенным погрешностям в восприятии форм, регулирующих общественные отношения между людьми. Однако для того, чтобы яснее воспринимать то или иное событие или явление, необходимо более четко определять значение слов, употребляемых как в дискурсе, так и в социальной практике. Например, при условии четкого определения того, что *право* есть социальная норма, форма которой регулирует *взаимоотно-*

²¹ Фуллер Л.Л. Указ. соч. С. 57.

²² Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. С. 15.

²³ Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Теория права и государства. М.: Зерцало-М, 2008. С. 331.

²⁴ Там же. С. 330.

²⁵ Там же. С. 331.

шения людей в общественном пространстве, а закон — это форма, регулирующая социальные формы отношений человека как субъекта права с государственными институтами и учреждениями, возможно, снимается и острота негативного отношения к праву как таковому, которое в обыденном сознании воспринимается прежде всего в качестве карательной и запретительной меры, регулирующей общественное поведение людей. И это является почти общепринятой установкой общественного сознания. Понятно, что такого рода убеждение не вполне адекватно и по существу не раскрывает всей полноты и многомерности социальной роли права. Разумеется, совершенно не правомерно уравнивать значение норм уголовного права, уголовно-правовые установки которого по определению своих задач и целей с необходимостью почти всегда являются исключительно предписаниями и запретами, например, с нормами гражданского или административного, или таможенного, или конституционного права, которые устанавливают не только формы запретов, но и формы дозволения, предписания. К тому же важно учитывать и то, что отраслевые нормы права сами по себе имеют как свой предмет исследования, так и объект познания, соответственно, и методы познания, которые различаются по сущностным признакам. Предметом уголовного права, например, являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением лицом антиправового, антиобщественного деяния, или преступления, в связи с чем, соответственно, и применяются к лицу санкции в виде уголовного наказания, тогда как предметом гражданского права являются не столько общественные, сколько имущественные отношения.

На проблему смыслового различия в восприятии права обратил внимание Г.Л.А. Харт в своей книге «Понятие права» (The Concept of Law), акцентируя, в частности, внимание на необходимости более точного определения значения понятий-выражений, которые он назвал «внутренними» и «внешними»: «был должен» и «имел обязанность». Согласно точке зрения Харта, здесь присутствует очень важное различие «социальных ситуаций или отношений», которое выявляется благодаря изучению не только самих выражений, но и того, «как они зависят от социального контекста, нередко явно не названного». Пытаясь объяснить, что «ни право, ни любая другая форма социальной организации не могут быть поняты без осознания принципиального различия между двумя типами высказываний», Харт, таким образом, сделал попытку прояснить и структуру правовой мысли.

В принципе, в развитии общественных отношений создаются условия, предусмотренные нормативностью самих этих отношений, ког-

да между участниками возникают конкретные права и обязанности, в совокупности образующие социальный тип правоотношений. В общем виде такие отношения определяют возможное поведение одной стороны отношений и ее юридическую обязанность в отношении каких-либо действий или воздержания от действий другой стороны этого отношения. Иными словами, формальный смысл подобного рода отношений строится не только на уровне защиты интересов личности от всякого рода антиправовых и антиобщественных действий других, что собственно подразумевает понятие «закон», а прежде всего от недозволенных действий *самых участников отношений*.

Именно в концепции Рикёра и была выявлена существенная разница между так называемой юридической и социальной — конкретно — институциональной нормативностью. Для того чтобы определить разницу между юридической и институциональной нормативностью, необходимо обратить внимание на разновидность самих императивов. В разнообразии ситуаций общественной жизни один и тот же человек может по-разному выражать желания относительно другого человека — это могут быть повеления, указания, приказы, то есть сознательное самовыражение желаний и намерений человека. Например, как пишет теоретик права Г.Л.А. Харт, это выражается в специальной языковой форме, называемой *повелительное наклонение*: «Иди сюда!», «Стой!», «Не убий!»... Следует отметить, что разнообразие социальных ситуаций, в которых человек обращается к другим в императивной форме, не влияют на то, что эти формы «включают некоторые постоянно возникающие типы, важность которых выражается некоторыми известными классификаторами»²⁶.

Харт указывает также на то, что следует отличать императивы как выражение желаний в отношении другого от случаев, когда человек просто стремится сообщить, например, информацию о себе или о событии. В том случае, когда человек пытается выразить свои намерения через простое сообщение, уместно изъявительное, а не повелительное наклонение. Философские дискуссии по поводу разновидности императивов, подчеркивает правовед, касаются в основном «отношения между императивом и индикативным или описательным языком и возможности свести первый к последнему»²⁷. Важным аспектом любого императива является как раз то, что по логической структуре они родственны, касается ли это правовой нормы или нормы морали, в любом случае запрет действует всегда, безотносительно

²⁶ Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 26, 241.

²⁷ Там же.

к конкретной ситуации. В общем плане правовые запреты соразмерны моральным. Поэтому право, или так называемая *запретительная норма*, определяет не условия его действия, а составы правонарушений и санкции за их совершение. С помощью такого рода норм — *запретительных*, осуществляется *не* урегулирование общественных отношений, а, скорее, *предупреждение* и *пресечение* антиобщественных деяний и охрана правопорядка, контролируемых государством и его институтами. При этом важно подчеркнуть, что сам запрет действует *вне правоотношений*, главное здесь то, что из него проистекает *не обязанность*, а *«запрещенность»*.

Иначе говоря, необходимо четко конкретизировать типы социальных отношений между людьми, которые различаются по существенным признакам. В рамках нормативной теории необходимо, прежде всего, различать юридическую субъектность отношений от социальной институциональности. Так, рассматривая социальную роль права в юридическом поле, необходимо иметь в виду, что юридическая нормативность представляет собой отношения «человек — государство», при которых юридическое содержание права соответствует понятию «закон», определяющий прежде всего «субъектов права». Отношения такого рода, как считал отечественный теоретик права О.Э. Лейст, определяют в большей степени «юридические статусы, условия вступления в правоотношения, права, обязанности, запреты, юридические факты, виды правоотношений, составы правонарушений, процессуальный порядок решения споров и рассмотрения дел о правонарушениях, назначения и применения санкций»²⁸. Социальная роль права в юридическом поле состоит в «определении правовой структуры общества, привилегий или повинностей различных сословий, либо в утверждении всеобщего равенства перед законом, в закреплении разных форм собственности, в охране и регулировании семейных, хозяйственных, корпоративных, коммерческих, производственных, религиозных, политических и других общественных отношений»²⁹.

В то время как философское обоснование социальной роли права и правовой реальности ориентируется в большей мере на нормативный характер права и правоотношений, которые рассчитаны на регулирование поведения людей посредством отношений, при которых связь участников состоит *во взаимных правах*. В таком случае право выступает в качестве социальной нормы, определяющей *равноправные условия отношений*: равное право на свободу, волеизъявление,

достоинство и т.п. каждого субъекта отношений, независимо от его социального статуса. Таким образом, правоотношения в юридическом поле создаются совсем по другим критериям и принципам, нежели те самые институциональные, на которые обратил внимание Рикёр, располагая понятие справедливости в этическом поле и утверждая ее органическую связь со стремлением к благой жизни, включающей в себя жизнь и отношения с другим и для другого. В рамках института межличностная коммуникация определяется конкретными правилами и нормами, которые практически создают фиксированную схему коммуникативных ролей.

Важным моментом теории «справедливости» Рикёра, на чем, собственно, акцентирует внимание и сам философ, является то, что институциональные отношения должны быть *не только доверительными*, но и должны строиться при соблюдении *главного условия* — *уважения к другому*. Такое условие должно распространяться «на всякого, у кого есть право ожидать своей справедливой доли при справедливом разделе»³⁰. В аргументации Рикёра понятие самоуважения имеет иной мотив, в отличие от понятия самоуважения в моральной философии, которое практически соответствует самооценке. В концепции Рикёра человек может достичь полного самоуважения только в том случае, если в институциональных отношениях он будет соблюдать принцип не просто уважения к другому, а прежде всего к «самому себе как другому»³¹. Согласно Рикёру, человек должен относиться к другому так же, как к самому себе. В таком случае, следуя логике философа, становится ясным и смысл понятия *справедливости*, который он соотносит с «*правилом справедливости*, под эгидой формализма морального, распространяющегося с межличностных отношений на социальные и лежащие в их основе» отношения³².

Суть заявленной Рикёром темы межличностной коммуникации заключается в том, что привычные формы нормативности, воспринимаемые человеком с позиции «должного», не раскрывают до конца смысл социальных отношений. Заслуга мыслителя состоит еще и в том, что именно он обратил внимание на существующую «пограничную ситуацию», обуславливающую связь социальной нормативности, и через понятие «Я-сам как Другой» показал, что человек становится полноценной личностью, уважающей себя, только в случае, когда понятие «Я-сам» перерастает границы самости и становится принципом жизни — «Я-сам как Другой».

²⁸ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2008. С. 24.

²⁹ Лейст О.Э. Указ. соч. С. 24.

³⁰ Рикёр П. Я-сам как другой. М.: Изд-во гуманит. лит., 2008. С. 243.

³¹ Там же. С. 243.

³² Там же. С. 243.

Список литературы:

1. Альбов А.П. О понятиях и категориях в философии и теории права (или что отличает науку от мнений в науке) // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 46–60.
2. Арндт Х. Ответственность и суждение. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. 352 с.
3. Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
4. Ильин И.А. Теория права и государства. М.: Зерцало-М, 2008. 550 с.
5. Кацапова И.А. Межкультурный смысл этико-юридического принципа П. Рикёра «Я-сам как другой» // Польш Рикёр: Человек — общество — цивилизация. М.: Канон+, 2015. С. 24–31.
6. Кацапова И.А. Современные проблемы правопонимания в контексте социальной роли права // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 24–31.
7. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2008. 246 с.
8. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. СПб.: Лань, 1999. 192 с.
9. Новгородцев П.И. К вопросу о современных философских исканиях (Ответ Л.И. Петражицкому) // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. 1 (66). С. 121–145.
10. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб.: Алетейя, 2000. 355 с.
11. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М.: Моск. психол. о-во, 1903. С. 264–281.
12. Новгородцев П.И. Право и нравственность // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб.: Кн. маг. О.Н. Поповой, 1899. С. 115–136.
13. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб.: Тип. акц. о-ва «Слово», 1909. 656 с.
14. Рикёр П. Справедливое. М.: Гнозис: Логос, 2005. 304 с.
15. Рикёр П. Я-сам как другой. М.: Изд-во гуманит. лит., 2008. 416 с.
16. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
17. Сергеев С.Л. Нормоустановление, администрирование и социостабилизация в качестве ипостасей типологии властеотношений // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 104–116.
18. Фуллер Л.Л. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007. 306 с.
19. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 302 с.
20. Честнов И.Л. Социокультурная антропология права как постклассическая научно-исследовательская программа // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 77–85.

Social normativity: public relations principle of morality and law

Katsapova I.A.,

PhD in Philosophy,

senior research assistant at Institute of Philosophy

of Russian Academy of Sciences

E-mail: katsapova@gmail.com

Abstract. The article analyses the actual problem of identifying the normative structure of the system of social relations. The author examines the social standard through the prism of the relationship of law and morality in public space. Justified the distinction between social and legal normativity. And specifies the types of social relations, and also reveals the meaning of the principle of institutional and interpersonal communication.

Keywords: people, society, social normative, legal regulatory, law, morality, the moral law, the law of the legal, relations, institutional.

References:

1. Al'bov A.P. O ponjatijah i kategorijah v filosofii i teorii prava (ili chto otlichaet nauku ot mnenij v nauke) // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2014. № 4 (1). S. 46–60.
2. Arendt H. Otvetstvennost' i suzhdenie. M.: Izd-vo In-ta Gajdara, 2013. 352 s.
3. Dvorkin R. O pravah vs'er'ez. M., ROSSPJeN, 2004. 392 s.
4. Il'in I.A. Teorija prava i gosudarstva. M.: Zercalo-M, 2008. 550 s.
5. Katsapova I.A. Mezhhkul'turnyj smysl jetiko-juridicheskogo principa P. Rikjora «Ja-sam kak drugoj» // Pol' Rikjor: Chelovek — obshhestvo — civilizacija. M.: Kanon+, 2015. S. 24–31.
6. Katsapova I.A. Sovremennye problemy pravoponimaniya v kontekste social'noj roli prava // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2014. № 4 (1). S. 24–31.
7. Lejst O. Je. Sushhnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava. M.: Zercalo-M, 2008. 246 s.
8. Novgorodcev P.I. Istoricheskaja shkola juristov, ee proishozhdenie i sud'ba. SPb.: Lan', 1999. 192 s.
9. Novgorodcev P.I. K voprosu o sovremennyh filosofskih iskanijah (Otvet L.I. Petrazhickomu) // Voprosy filosofii i psihologii. 1903. Kn. 1 (66). S. 121–145.
10. Novgorodcev P.I. Kant i Gegel' v ih uchenijah o prave i gosudarstve. SPb.: Aletejja, 2000. 355 s.
11. Novgorodcev P.I. Nrvstvennyj idealizm v filosofii prava // Problemy idealizma. M.: Mosk. psihol. o-vo, 1903. S. 264–281.
12. Novgorodcev P.I. Pravo i nrvstvennost' // Sbornik po obshhestvenno-juridicheskim naukam. Vyp. 1. SPb.: Kn. mag. O.N. Popovoj, 1899. S. 115–136.
13. Petrazhickij L.I. Teorija prava i gosudarstva v svjazi s teoriej nrvstvennosti. T. 1. SPb.: Tip. akc. o-va «Slovo», 1909. 656 s.
14. Rikjor P. Spravedlivoje. M.: Gnozis: Logos, 2005. 304 s.
15. Rikjor P. Ja-sam kak drugoj. M.: Izd-vo гуманит. лит., 2008. 416 s.
16. Sartre Zh.-P. Jekzistencializm — jeto гуманит. // Sumerki bogov. M.: Politizdat, 1989. S. 319–344.
17. Sergevnin S.L. Normoustanovlenie, administrirovanie i sociostabilizacija v kachestve ipostasej tipologii vlasteotnoshenij // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 1 (2). S. 104–116.
18. Fuller L.L. Moral' prava. M.: IRISJeN, 2007. 306 s.
19. Hart G.L.A. Ponjatie prava. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2007. 302 s.
20. Chestnov I.L. Sociokul'turnaja antropologija prava kak postklassicheskaja nauchno-issledovatel'skaja programma // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2014. № 4 (1). S. 77–85.